

ния.⁸⁵ Но их изложения являются очень сложными, риторичными, схоластичными, а исповедание веры Нила отличается такой же простотой, как все его «Предание». Итак, мы склоняемся к убеждению, что Нил в своем вступительном исповедании веры не только стремился противопоставить себя и свое учение воззрениям еретиков того времени,⁸⁶ но также следовал литературному прообразу игуменских уставов-завещаний, а именно Завещанию Феодора Студита,⁸⁷ которое, так же как Нилово «Предание», начинается с изложения исповедания веры автора. Эта черта может служить свидетельством того, что Нил сознательно держался образов древних греческих основателей знаменитых средневековых монастырей и реформаторов монашеской жизни. Эта черта может также подчеркивать «завещательный» характер Нилова «Предания» подобного завещаниям «великих» игуменов на смертном одре.⁸⁸

Но тогда гипотеза А. С. Архангельского, согласно которой «Предание» Нила было первым наброском устава, потом вытесненным «Большим» уставом, т. е. «11 главами», несостоятельна. Напротив, можно предполагать, что «Предание» было написано, подобно другим игуменским завещаниям, незадолго перед кончиной Нила, в 1508 г., а «11 глав» свидетельствуют о долгой и сосредоточенной работе Нила над сочинениями «отцов» и были, по всей вероятности, написаны на вершине Ниловых сил, т. е. значительно раньше, чем «Предание».

VI

Однако мы знаем и Завещание Нила в собственном, так сказать, — «гражданском», смысле слова. Какое место принадлежит ему среди сочинений Нила и в русской письменности завещаний или «духовных грамот»? Одно обстоятельство оказывается бесспорным уже при первом взгляде. Завещание Нила⁸⁹ не является повторением вкратце монастырского устава, как мы его установили в отношении Завещания Евфросина Псковского, или дополнение к Нилову «Преданию», каким, например, был «Завет» Иннокентия Охлебинина. В Ниловом Завещании говорится лишь о его личных делах: что кому оставить или передать из вещей его кельи, как распорядиться его телом и т. д. Это «частная духовная грамота» — «тестament», подобный тем, которые мы часто встречаем в древнерусских актах. Но если мы

⁸⁵ Мы имеем в виду «исповедание веры» видного исихаста Григория Паламы (J. P. Migne. Patrologiae Graecae t. 151, стр. 763 и сл.) и патриарха Филофея (см. рукопись Баварской государственной библиотеки в г. Мюнхене: Cod. graec. Monach. 508, л. 123 и сл.); русский перевод принадлежит Ф. Успенскому (Философское и богословское движение в XIV веке. — ЖМНП. СПб., 1892, № 1—2, стр. 405 и сл.)

⁸⁶ Но мы отнюдь не исключаем эту возможность. Об отношении Нила к новгородским и московским еретикам см.: Я. С. Лурье. К вопросу об идеологии Нила Сорского, стр. 191—194; Н. А. Казакова и Я. С. Лурье. Антифеодальные еретические движения на Руси XIV—начала XVI в., стр. 207—208. Но нужно сказать, что Нил с его убеждениями о «мысленем делании» как о собственно монашеском деле не был склонен к полемике и борьбе против идей (и их представителей), которые казались ему ложными или даже еретическими. Как и во многом другом, его «ученик» Вассиан Патрикеев в этом резко отличался от своего «учителя», так что это его «ученичество» нельзя принимать всерьез. Оно имело достаточно поверхностный характер, и Вассиан Патрикеев представляет собой совершенно оригинальную личность со своими собственными убеждениями и стремлениями. «Князь-инок» и в иноческой одежде всегда оставался представителем боярства!

⁸⁷ J. Migne. Patrologiae Graecae t. 99, столб. 1813 и сл.

⁸⁸ См. выше, стр. 86, 88.

⁸⁹ См. его у М. С. Боровковой-Майковой (Нила Сорского Предание и Устав, стр. 10).